

О СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX ВЕКА

Družbeno pogojeni procesi v standardnem jeziku temeljijo na nekaterih družbenih spremembah, kot so na primer omogočanje javnega življenja skupinam ljudi, ki ponavadi raje uporabljajo razne žargone in druge oblike nestandardnega jezika, opuščanje predpisov in pravil, ki jih je totalitarna država vsilila na področju družabnega življenja, ter omogočanje svobode na socialnem, političnem in ekonomskem področju, pa tudi v medsebojnih odnosih. Družbeno pogojeni procesi so na področju narečij povzročili dokončno zmanjšanje domene in uporabe narečij ter izginjanje narečij pod vplivom standardnega jezika in, ob nastajanju vmesnih oblik, kot so »interdialekti« in »regijolekti«, ki združujejo lastnosti območnih narečij, mestne substandardne govorice in standardnega jezika. Obstajata dve različici substandardne govorice ali *prostorečja*, in sicer stara substandardna govorica, *prostorečje 1*, in njena novejša različica, *prostorečje 2*. *Prostorečje 1* je v tesnejšem sorodstvu z narečji, iz katerih se bogati, medtem ko *prostorečje 2* črpa iz socialnih in poklicnih žargonov. Tudi na področju socialnih in poklicnih žargonov zasledimo družbeno pogojene procese. Tako so se aktivirali razni socialni žargoni, kot so žargoni in argoji brezdomcev, beračev, prostitutk, narkomanov, sleparjev, preprodajalcev in hipijev.

Socially conditioned processes in the standard language are based on some societal changes, such as getting access to public life by groups of people who habitually and preferably use various jargons and other forms of non-standard speech; abandoning canons and norms imposed by the totalitarian state on social life; declaring freedom in the social, political and economic spheres, as well as in personal relationships. Socially conditioned processes in regional dialects: permanent narrowing of the realm of dialect functioning and the erosion of dialects under the influence of the standard language, as well as the emergence of intermediate forms (an interdialect, a regiolect) combining the features of regional dialects, urban substandard speech and the standard language, are characteristic of these processes. Substandard speech (= *prostorechie*) exists in two varieties, namely the old one (*prostorechie 1*) and the new one (*prostorechie 2*). The first one is more closely related to regional dialects and enriched by them, whereas the second one has close ties with social and professional jargons. Socially conditioned processes in professional and social jargons are also observable: various social jargons are becoming active, for instance the jargons and argot used by homeless people, beggars, prostitutes, drug addicts, swindlers (*kidaly*), retailers (*chelnoki*), hippies, etc.

1 Предварительные замечания

В последнее десятилетие появился ряд лингвистических работ, посвященных изучению состояния русского языка в конце XX столетия и происходящих в нем изменений. Отмечаются социальные причины происходящих изменений: демократизация русского общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, антитоталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, открытость к веяниям с Запада в области экономики, политики, культуры и др.

Разумеется, влияние этих факторов на язык обычно осуществляется не прямо, а опосредованно. На некоторых участках языка связь происходящих в нем изменений с изменениями в обществе проявляется достаточно отчетливо: так обстоит дело, например, с увеличением потока англоязычных заимствований, с активизацией некоторых речевых жанров, предполагающих спонтанность речи и относительную свободу речевого поведения (таковы, например, жанры радио- и телеинтервью, в советское время влачившие жалкое существование, разнообразные ток-шоу, телевизионные игры с множеством участников и т. п.).

Изменения в обществе влияют и на взаимоотношения подсистем, которые в совокупности составляют систему русского национального языка, на качественные и количественные характеристики каждой из этих подсистем.

Именно этому посвящен мой доклад.

Мы будем исходить из традиционного членения русского языка на следующие социально и функционально обусловленные подсистемы:

- литературный язык (стандарт);
- территориальные говоры;
- городское просторечие;
- групповые жаргоны (профессиональные и социальные).

2 Социально обусловленные процессы в литературном языке

Изменения в литературном языке обусловлены не столько демократизацией контингента владеющих литературной речью (как это было, например, в 20-е годы, когда к традиционному носителю литературного языка интеллигенции прибавились значительные по численности группы выходцев из рабочих и крестьян), сколько вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни общества от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что

раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать права гражданства наряду с традиционными средствами литературного языка. Ср.:

Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком эзков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отмененными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты (*Известия*, 11 ноября 1997 г.).

Массовое вхождение в литературно-речевой обиход инноваций вызывает необходимость *оценки* этих элементов как с позиций нормы, так и в отношении их социальной маркированности: многие из новшеств имеют отчетливо выраженное социальное происхождение. Рассмотрим здесь только некоторые из социально маркированных фактов, характерных для литературной речи обсуждаемого периода.

2.1 Так, обращает на себя внимание чрезвычайная активизация форм множественного числа существительных мужского рода с ударными флексиями: *взводаА, срокаА, обыскаА, тросаА, приискаА, вызоваА, сейнераА, тортаА, супА, юпитераА* и под. Многие из этих форм проникают в литературный речевой обиход из профессиональной среды: *взводаА (взводОв, взводАм)* и т. п.

Распространенность подобных форм в профессиональной речи отмечалась лингвистами давно, однако значительное увеличение частотности этих форм в *публичной* речи по радио, телевидению, в газете можно считать характерной чертой последнего десятилетия XX в. (приведенные примеры взяты нами как раз из публичной речи говорящих, главным образом из выступлений по телевидению и радио).

2.2 Социально маркированы некоторые факты словоупотребления и синтаксиса. Так, из языка военных распространился в общее употребление глагол *задействовать* (первоначально он употреблялся, по-видимому, применительно к новым подразделениям, вводимым в военную операцию: *задействовать дивизию, задействовать резервы главного командования*), особенно активно используемый сейчас в языке административных документов и вообще характерный для речи чиновников.

Чиновничий язык порождает такие непривычные для традиционного литературного словоупотребления образования, как *проговорить, обговорить* в значении 'обсудить' (*Необходимо проговорить этот вопрос на совещании; Обговорим это позднее*), *озадачить* в значении 'поставить перед кем-н. какую-н. задачу' (*Главное – озадачить подчиненных, чтобы не болтались без дела*), *подвижка* (*Произошли подвижки по Югославии*), *наработки* (*По этой проблеме у нас уже есть некоторые наработки*), *конкретика* (*Документ*

важный, но надо наполнить его конкретикой, применить к реальным ситуациям в разных префектурах Москвы) и т. п.

2.3 Из новшеств в области синтаксиса отметим только два (но весьма характерных) факта: активизацию конструкций с предлогом *по* и специфическое управление глагола *заказать*.

2.3.1 Конструкция с предлогом *по* типа: *переговоры по Боснии, голосование по кандидатуре NN, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому* возникла в чиновничьей среде. Как правило, синтаксическим хозяином в этой конструкции является отглагольное существительное, в норме не управляющее предложно-падежной группой с предлогом *по*; ср.: *переговоры, договоренность о чем-либо, голосование за кого-либо, инициатива в чем-либо*. Встречаются и сочетания, где в качестве подчиняющего компонента употребляется не существительное, а глагол, в традиционном литературном языке не способный управлять предлогом *по*: *Мы, кстати, встречались с Гайдаром и по банку, и по Парамоновой* (В. С. Черномырдин); *Необходимо договориться с МВФ по российскому долгу, по его реструктурированию* (М. М. Задорнов, министр финансов России).

Конструкции с предлогом *по* этого типа частотны в языке средств массовой информации, в устных выступлениях представителей власти, политиков, финансистов, бизнесменов, то есть наблюдается достаточно широкий разброс этой конструкции по разным функциональным разновидностям речи и разным социальным слоям и группам носителей русского языка.

2.3.2 Глагол *заказать* в нормативном его употреблении управляет объектом, который может выражаться только неодушевленным существительным, как конкретным, так и абстрактным (*заказать костюм в ателье, заказать столик <ужин> в ресторане* и т. п.). Сейчас этот глагол стал употребляться в значении 'подготовить, организовать убийство кого-либо' и управлять объектом, который выражается существительным, обозначающим лицо: *Киллерам заказали известного политического деятеля, и они привели заказ в исполнение: вчера NN был убит возле своего дома* (из газет). Оставаясь в рамках литературной нормы, следовало бы сказать: *заказали убийство политического деятеля*.

Оборот *заказать + S род одуш.*, представляющий собой результат стяжения нормативной конструкции, родился в речи мафиозных, преступных групп в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., а в современной языковой ситуации он широко используется представителями самых разных социальных слоев.

2.4 Последний из рассмотренных нами примеров – специфическое употребление глагола *заказать* – один из великого множества фактов, свидетельствующих о явлении, весьма характерном для состояния литературного русского языка в 80–90-х годах нынешнего столетия, – о его значительной жаргонизации.

Этот процесс находит отражение прежде всего в устно-разговорной разновидности литературного языка, в непринужденной речи его носителей при их общении со своими, с людьми близкими и знакомыми. Однако многие жаргонизмы проникают и на страницы печати, в радио- и телеэфир. Таковы, например, жаргонные по своему происхождению, но весьма частотные в разных стилях и жанрах современной литературной речи слова и обороты: *крутой* (калька англ. *cool*) о человеке: решительный и хладнокровный, производящий сильное впечатление на окружающих этими своими качествами; *тусовка* 'собрание людей, объединенных общими интересами' (чаще других тусуются артисты, музыканты, журналисты, политики); *разборка* 'выяснение отношений, обычно агрессивное, с применением насилия'; *заложить* 'передать кого-нибудь, донести на него', *лимон* 'миллион рублей или долларов' (применительно к другим денежным единицам *лимон*, кажется, не употребляется); *кинуть* 'обманным путем выманить более или менее крупную сумму денег' (Кинули меня на пол-лимона); *вешать лапшу на уши* 'рассказывать небылицы, врать с какой-либо корыстной целью'; *крыша едет, поехала* (у кого-либо) 'некто сошел (сходит) с ума или просто стал плохо соображать', и др.

Многие из подобных жаргонных элементов утрачивают свою социальную прикреплённость, становятся хорошо известными и употребительными в разных социальных группах носителей русского языка. Это дает основание говорить о начале формирования так наз. *общего жаргона* – языкового образования, которое не просто занимает промежуточное положение между собственно жаргонами (скажем, тюремно-лагерным, воровским, нищенским и др.), с одной стороны, и литературным языком, с другой, но и активно используется носителями литературного языка в неофициальной обстановке (ср. похожий функциональный статус общего сленга и общего арго в современных American English и французском языке).

Несомненно, жаргонная лексика и фразеология огрубляет литературную речь, и неумеренное и неуместное ее использование резко контрастирует с традициями речевого общения в культурной социальной среде. Но надо сказать, что жаргонизация литературной речи вполне в духе одной из тенденций, которые присущи современному речевому общению, – тенденции к *огрубению* речи. Эта тенденция проявляется в значительном увеличении употребительности на страницах газет, художественной литературы, в публичных выступлениях политиков грубопросторечных слов типа *сука*, *сволочь*, *падло*, *подонки*, *гады* и под., лексики, связанной с отношениями полов: *трахать*, *трахаться*, *кончить*, *давать*, и даже обценной лексики, которую нередко можно слышать с кино- или телеэкрана и видеть на газетной полосе. Социальные причины подобного огрубения речи очевидны: какова жизнь, таков и язык этой жизни. Кроме того, отмена цензуры (факт, несомненно, положительный) оборачивается своей негативной стороной – речевой вседозволенностью.

3 Социально обусловленные процессы в территориальных говорах

Узкий и всё более суживающийся состав носителей территориальных говоров сказывается и на характере их функционирования. Обычно говорят, что сфера употребления территориального диалекта – устные формы общения. Однако для современного состояния диалектных – систем такое указание недостаточно. Функции более или менее чистого диалекта неуклонно уменьшаются, и сейчас наиболее типичными сферами его использования являются семья и разного рода ситуации непринужденного общения односельчан друг с другом. Во всех иных коммуникативных ситуациях можно наблюдать смешанные формы диалектной речи, в которых диалект осложнен, разбавлен разного рода иносистемными элементами например, словами и синтаксическими конструкциями литературного языка, городского просторечия (так наз. полудиалектная речь, о которой диалектологи писали уже тридцать лет назад). Петербургский исследователь А. С. Герд ввел в научный оборот термин *региолект*, под которым он имеет в виду особый переходный тип между диалектом, с одной стороны, и просторечием, жаргоном, с другой. Региолект охватывает ареал ряда смежных диалектов, но ярче всего он представлен в городах и поселках городского типа.

Речь жителей современной деревни, во-первых, расслоена социально и, во-вторых, имеет ситуативную обусловленность; иначе говоря, она отличается свойствами, которые традиционно считаются специфическими для литературного языка. Социальная и ситуативная неоднородность современного территориального диалекта – следствие происходящих в нем изменений, совершающихся под мощным воздействием литературного языка, а также вследствие значительных социально-экономических преобразований в деревне, в нынешних условиях ведущих к утрате деревенским хозяйством экономической самостоятельности, к его зависимости от города и его экономики. Отсюда более тесные, чем раньше, контакты с городским населением, которое в массе своей является носителем литературного языка или носителем просторечия. Кроме того, постоянное воздействие на жителя современной деревни языка средств массовой информации, прежде всего, радио и телевидения, во всем его жанровом разнообразии способствует формированию представления о более или менее жесткой прикреплённости тех или иных форм речи к определенным ситуациям общения. И хотя это представление, как правило, не перерастает в активный навык: носитель диалекта обычно не может строить свою речь в повседневных коммуникативных ситуациях в соответствии с нормами функционально-стилистических разновидностей литературного языка, – речевое поведение сельского жителя меняется под влиянием моделей речевого поведения горожан. Да и в наборе языковых средств, которыми пользуется житель современной деревни, много такого, что не характерно для территориального говора: исследователи отмечают в этом наборе элементы публичного стиля, которые проявляются в

ситуациях собраний, совещаний и т. п., официально-деловой речи, в области словоупотребления – общественно-политическую и производственно-техническую терминологию.

В социолингвистическом отношении существенной особенностью современного функционирования территориальных говоров является определенная специфика языкового сознания их носителей: отношение к диалекту как к единственному и естественному средству общения замещается у большинства сельских жителей отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой его как более престижной коммуникативной подсистемы, а своего говора – как подсистемы социально и функционально ущербной. Немалую роль в этом самоуничтожении сыграла советская школа, в которой преподавание русского языка велось (и ведется до сих пор) с исключительной ориентацией на литературный язык при одновременном третировании диалектной речи как неграмотной, при полном пренебрежении к культурной ценности диалектов и к их роли в истории национального языка.

4 Социально обусловленные процессы в городском просторечии

Просторечие – наиболее своеобразная подсистема русского национального языка. Не вдаваясь в детальное сопоставление русского просторечия с близкими – по их функциональным и коммуникативным свойствам – подсистемами других национальных языков, укажем на характерную черту современного состояния этой подсистемы русского языка: его расслоение на две разновидности, старую и молодую.

Например, в области просторечной лексики обращают на себя внимание, с одной стороны, единицы типа *пуцай, страмить, ндравиться, ейный, скидавать* и под., обнаруживающие близость с соответствующими диалектными фактами, а с другой, слова и обороты типа *поправиться* (= прибавить в весе: *Она на два кило поправилась*); *оформить брак, организовать закуску, деловой* (*Ишь ты, деловая какая! Сама прошла бы [в троллейбусе]*); *будь здоров* (*Девка тоже будь здоров!*); *костыли* в значении 'ноги' и т. п., явно не диалектного происхождения.

Выделяются два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с территориальным диалектом (эту разновидность можно назвать *просторечие-1*), и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование и не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (*просторечие-2*).

Возрастная дифференциация носителей просторечия дополняется различиями по полу: владеющие просторечием-1 это преимущественно пожилые женщины, а среди пользующихся просторечием-2 значительный (если не преобладающий) процент составляют мужчины.

4.1 Просторечие-1 отличается специфическими чертами на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом.

4.1.1 В области фонетики это, например, такие черты, как устранение зияния между соседними гласными в слове (*радиво, пиянино*), ассимиляция гласных соседних слогов (*виллидол* вместо *валидол*, *пирамида* вместо *пирамида*), упрощение групп согласных путем вставки гласного (*жизинь, рубель*), диссимиляция согласных (*дилектор, колидор, трамвай*), упрощение слоговой структуры слова (*витинар* вместо *ветеринар*, *матафон* вместо *магнитофон*) и нек. др.

4.1.2 В области морфологии и словообразования характерными особенностями просторечия-1 являются такие: аналогическое выравнивание основ (*рот, в роту, ротом; хочу, хотим, хотите, хотят*), иная, чем в литературном языке, родовая отнесенность некоторых существительных (*свежая мяса, кислый яблок*) или иной тип склонения (*церква, простынь, болезнь*), смешение форм родительного и дательного падежей у существительных женского рода (*был у сестре, поехал к сестры*) и нек. др.

4.1.3 В области лексики и лексической семантики характерным является наличие довольно большого числа слов, по форме отличающихся от слов литературного языка: *серчать, пущай, шибко, акурат, харчи, давеча* и под., многие из которых исторически являются диалектизмами. Некоторые слова, по форме совпадающие с литературными, имеют специфическое значение: *гулять* в значениях 'праздновать' и 'иметь интимные отношения' (*Мы на Май два дня гуляли; Она с ним три месяца гуляла*), *уважать* в значении 'любить' (*Я огурцы не уважаю*), *разнос* вместо *поднос*, *обставиться* в значении 'обзавестись мебелью' и т. п.

Некоторые слова употребляются в размытом значении: *атом* (*Они без конца с этим атомом носят*), *космос* (*Ни зимы, ни лета теперь путного нет, а всё космос!*). Наблюдается тенденция к употреблению в личном значении слов, которые в литературном языке не могут употребляться в значении лица: *Это всё диабеты идут* (вместо: *больные диабетом*), *Наша медсестра за контингента замуж вышла* (то есть за человека, принадлежащего к контингенту тех, кого обслуживает данная поликлиника), *Дочка, это кто – не рентген пошел?* (имеется в виду *рентгенолог*) и т. п.

4.1.4 Синтаксическая специфика просторечия-1 проявляется, например, в таких конструкциях: употребление полной формы страдательных причастий с перфектным значением и полных прилагательных в именной части сказуемого (*Обед уже приготовленный: Пол вымытый; Дверь была закрытая; Я согласная*); употребление в той же функции и синтаксической позиции деепричастий на *вши* и *миши* (*Я не мывши вторую неделю; Он был выпимши*); употребление творительного падежа некоторых существительных для

обозначения причины (*Он умер голодом; Она ослепла катарактой*), специфическое управление при словах, формально и по смыслу совпадающих с литературными (*никем не нуждаться; Что тебе болит? Она хочет быть врач*) и нек. др.

4.2 Просторечие-2 представляет собой разновидность, менее яркую, чем просторечие-1, и менее определенную по набору типичных для нее черт. В области лексики она тесно сближается с общим жаргоном (ср. трудность функционально-стилистической квалификации таких слов и оборотов, как *беспредел, возникать, оттянуться, наезжать, придурок, прокол, штука* (тысяча рублей или долларов) и под: это единицы общего жаргона или единицы просторечия-2?), а также с некоторыми социальными арго: ср., например, *травка, сесть на иглу, поплыть, словить кайф* и другие элементы жаргона наркоманов, употребляющиеся и в просторечии-2.

В области фонетики и морфологии просторечие-2 менее специфично, чем просторечие-1: фонетические и морфологические особенности имеют спорадический, случайный характер и нередко локализованы в отдельных словах и словоформах. Например, диссимилиация согласных по месту и способу образования представлена здесь фактами типа *транвай*, в словах же типа *директор, коридор*, где расподобление согласных более ярко, контрастно, диссимилиации не происходит. Почти не встречается в просторечии-2 такое яркое явление, как устранение зияния между гласными (*радиво, пиянина*). Отличия от литературного языка в родовой отнесенности некоторых существительных хотя и наблюдаются, но у значительно меньшего круга слов и в менее бросающихся в глаза случаях: так, *толь, тюль, шампунь* склоняются как существительные жен. рода (*пришлось крыть крышу толью, занавески из тюли, вымыла голову новой шампунью*), а *мозоль* как муж., но слова типа *мясо, село* не употребляются как существительные жен. рода (что свойственно просторечию-1).

Для просторечия-2 характерно использование диминутивов типа *огурчик, документики, справочка* и под., среди которых встречаются формы, образованные по специфической модели, не представленной в литературном языке: ср. *мяско* при литературном *мясо*. Диминутивы оцениваются носителями просторечия-2 как формы вежливости. Ср. в речи медсестры при обращении к взрослому пациенту: *Подбородочек вот сюда поставьте, а грудочкой прижмитесь к краю стола*; в речи официантки: *Вот ваш лангетик, а водичку я сейчас принесу*; в речи парикмахера: *Вам височки прямые или косые сделать?*

В социальном отношении совокупность носителей просторечия-2 чрезвычайно разнородна и текуча во времени: здесь и выходцы из сельской местности, приехавшие в город на учебу или на работу и осевшие в городе; и уроженцы небольших городов, находящихся в тесном диалектном окружении;

и жители крупных городов, не имеющие среднего образования и занятые физическим трудом; носителей просторечия-2 немало среди представителей таких несхожих профессий, как продавцы, грузчики, портные, парикмахеры, официанты, железнодорожные проводники, сапожники, уборщицы и др.

С коммуникативной точки зрения более живо, активно именно просторечие-2, а просторечие-1 постепенно сходит на-нет.

5 Социально обусловленные процессы в групповых жаргонах

Групповыми мы называем две разновидности жаргонов: профессиональные и социальные.

5.1 Для современной ситуации характерно полное вытеснение из сферы коммуникации профессиональных жаргонов, обслуживавших кустарные профессии: ср., например, детально описанные В. Д. Бондалетовым жаргоны офеней, шаповалов, шерстобитов, сыроваров и др., – и активная коммуникативная роль жаргонов, которые обслуживают новые профессии, например, жаргона компьютерщиков.

Компьютерный жаргон целиком основан на английской по происхождению терминологии. Однако носители этого жаргона не просто приспосабливают английские технические термины к русской языковой почве, а всячески *обыгрывают* эти термины, искажая их, сближая с русскими словами, наполняя двойным смыслом и т. п. – и всё это с сознательной установкой на шутку, на каламбур. Это получается достаточно легко и непринужденно, тем более, что творцы компьютерного жаргона люди, в массе своей молодые, недалеко ушедшие от студенческого времени с его столь же шутливым, ёрническим молодежным жаргоном, свободно искажающим и обыгрывающим английские слова (ср., например, такие намеренные искажения, как *герла*, *пренты*, *шуззы*, *трузера*, *вайтовый*, *ворковать* от *to work* 'работать', '*аскать*' от *to ask* 'спрашивать', *фейсануть* 'ударить по лицу' от *face* лицо и т. п.).

Помимо вполне серьезной специальной терминологии, которая в последнее время становится популярной не только среди специалистов, но и на страницах печати, в передачах по радио и телевидению, в устном общении представителей интеллигенции (типа *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *драйвер*, *сайт* и мн. др.), в сфере компьютерной обработки информации обращается масса шутливых, но понятных только профессионалу словечек и оборотов, которые и придают компьютерному языку свойства профессионального жаргона. Ср., например, такие образцы намеренной русификации английских терминов: *пизжамкер* (из *page maker*), *брякпойнт* (из *break point*), *чекисм* (из названия текстовой программы *Check It*), *трупонаскаль* (язык *Turbo Pascal*), *Емеля* (из *e-mail*) и т. п.

Многие общеупотребительные слова получают здесь своеобразное употребление, либо изменяя свое значение, либо вставляясь в непривычный

(для литературного языка) контекст: компьютер *зависает*, *отказывает*, в него *загружают* информацию, которую можно *скачать* на дискету, *распечатать* на принтере, а в случае ее ненужности *переместить в корзину*. Начинаящего пользователя называют *чайником* (и даже есть специальные пособия по работе на компьютере, адресуемые чайникам), в отличие от истинного пользователя, к которому применяют англицизм *юзер* (англ. *user* от *to use* пользоваться), и от того, кто только мнит себя знатоком компьютеров, но в действительности таковым не является, за что получает прозвище *ламер* (от англ. *lame* хромой, слабый).

Ввиду всё возрастающей роли компьютеров и процесса компьютеризации разных сторон человеческой деятельности компьютерный жаргон делается социально активным, как бы попадает в фокус социального внимания.

Разумеется, свои профессиональные языки имеют и многие другие отрасли науки и техники, и в свое время некоторые из них также были в фокусе социального внимания: например, в 50–60-е годы такую роль играл профессиональный язык физиков-ядерщиков, немного позднее жаргон, обслуживающий сферу космических исследований и разработок; в 70-е – начале 80-х модными становятся некоторые слова и обороты, используемые разного рода экстрасенсами, йогами, телепатами (и до сих пор слова *аура*, *энергетика*, *биополе*, *транс* и под. в ходу не только у парапсихологов). В 90-х годах из всех других профессиональных жаргонов по своей коммуникативной роли явно выделяется компьютерный жаргон – не только как средство внутригруппового общения, но и как своеобразный символ времени.

5.2 До сравнительно недавних пор в отечественной русистике считалось, что коммуникативная роль социальных жаргонов и арго невелика, во всяком случае она гораздо меньше, чем коммуникативная роль литературного языка и даже профессиональных жаргонов. У этого мнения были некоторые основания. Так, достаточно хорошо развитое в дореволюционное время нищенское арго к середине XX века как будто полностью утратило свою социальную базу; арго беспризорников, впитавшее в себя многие элементы блатного жаргона и бывшее довольно активным в 20-е годы, позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце века оба арго возрождаются на новом социальном и языковом материале, поскольку множатся ряды и нищих, и беспризорников, которые пользуются некоторыми специфическими формами языкового выражения, по большей части отличными от тех, что были в ходу у их предшественников. Эти два арго составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов и арго: они существуют наряду с языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, наркоманы, фальшивомонетчики, карточные кидалы и другие социальные группы, составляющие некоторую часть городского населения современной России.

Эти многочисленные жаргоны по большей части несамостоятельны, перетекают друг в друга: например, жаргоны наркоманов, проституток и нищих имеют значительное пересечение в области лексики и фразеологии, у сленга хиппи немало общих элементов со студенческим жаргоном, челноки активно используют в своей речевой деятельности торговое арго и т. д.

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он сформировался в социально пёстрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении ряда десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им активно пользовался: с ним были знакомы, его активно употребляли как воры в законе, домушники, медвежатники, скокари, щипачи и прочие представители уголовного мира, так и недавние инженеры, военные, чиновники, крестьяне, врачи, поэты, журналисты, студенты, рабочие – словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

В последнее десятилетие появилось немало лингвистических работ и лексикографических изданий, посвященных социальным жаргонам. Этот всплеск исследовательского интереса к жаргонам вполне понятен: раньше в отечественной русистике это была запретная тема, поскольку официальная пропаганда предписывала считать несуществующими такие социальные явления, как проституция, наркомания, рэкет и др. В наши дни эти всегда существовавшие язвы на теле общества необычайно разрослись и приобрели новые формы. Тем самым социальная база соответствующих жаргонов еще более реальна и осязаема, чем раньше, и задача русистики заключается, в частности, в том, чтобы изучить многообразие современных социальных жаргонов и их связи с порождающей эти жаргоны человеческой средой.

O DRUŽBENO POGOJENIH PROCESIH V RUSKEM JEZIKU OB KONCU 20. STOLETJA

POVZETEK

1 Družbeno pogojeni procesi v standardnem jeziku temeljijo na nekaterih družbenih spremembah, kot so na primer omogočanje javnega življenja skupinam ljudi, ki ponavadi raje uporabljajo razne žargone in druge oblike nestandardnega jezika, opuščanje predpisov in pravil, ki jih je totalitarna država vsilila na področju družabnega življenja ter omogočanje svobode na socialnem, političnem in ekonomskem področju, pa tudi v medsebojnih odnosih. Opisane spremembe so privedle do ponovne preučitve določenih jezikoslovnih dejstev in procesov.

Predvsem je opazen pojav močne žargonizacije standardne govorice in intenzivnejše sposojanje tujih izrazov ter oblikovanje in tvorjenje besed v skladu s tujimi vzorci.

2 Družbeno pogojeni procesi in narečja.

Družbeno pogojeni procesi so na področju narečij povzročili dokončno zmanjšanje domene in uporabe narečij ter izginjanje narečij pod vplivom standardnega jezika in, ob nastajanju vmesnih

oblik, kot so »interdialekti« in »regijolekti«, ki združujejo lastnosti območnih narečij, mestne substandardne govornice in standardnega jezika. S sociolingvističnega stališča velja omeniti pomemben vidik sedanjega delovanja narečij, in sicer jezikoslovno mentaliteto narečnih govorcev, ki, namesto da bi v svojem narečju videli edini naravni način sporazumevanja, raje sežejo po standardnem jeziku, v katerem vidijo bolj cenjen in ugleden sistem sporazumevanja, kot po svojem narečju, s katerim ravnajo kot s socialno in funkcijsko pomanjkljivim podsistemom. Takšno samoponiževanje je v veliki meri zakrivila sovjetska šola, v kateri je bilo (in je še danes) poučevanje ruskega jezika osredotočeno izključno na standardni jezik, v kateri je narečna govorica zaničevana kot govorica neizobraženih in v kateri je bila kulturna vloga narečij, njihova vloga v zgodovini narodnega jezika in vloga bogatenja standardnega jezika z novimi izrazi popolnoma prezrta.

3 Družbeno pogojeni procesi v mestni substandardni govorici.

Substandardna govorica, tako imenovano *rusko prostorečje*, je edinstven podsistem ruskega narodnega jezika. Obstajata dve različici substandardne govornice ali *prostorečja*, in sicer stara substandardna govorica, *prostorečje 1*, in njena novejša različica, *prostorečje 2*. *Prostorečje 1* je v tesnejšem sorodstvu z narečji, iz katerih se bogati, medtem ko *prostorečje 2* črpa iz socialnih in poklicnih žargonov. Tako lahko ločimo dve skupini govorcev sodobne substandardne govornice, in sicer starejše občane, ki so bodisi brez izobrazbe bodisi so dokončali zgolj osnovnošolski študij in katerih govorica je vidno podobna narečjem, in občane v srednjih ali mladih letih, ki niso zaključili srednješolskega študija in ne poznajo pravil standardnega jezika. V njihovi govorici ne zasledimo narečnih značilnosti, marveč močno žargonizacijo. Skupini govorcev se ne razlikujeta zgolj po starosti, temveč tudi po spolu. Tako je večina govorcev *prostorečja 1* starejših žensk, medtem ko med govorcem *prostorečja 2* opazimo večji odstotek, če že ne večino, moških.

V članku se avtor še posebej posveča glasoslovnim in oblikoslovnim značilnostim obeh različic substandardnega sistema ruskega jezika ter lastnostim njunega besedišča.

4 Družbeno pogojeni procesi v poklicnih in socialnih žargonih.

4.1 Poklicni žargoni, ki so nekdaj služili potrebam rokodelskih obrti, kot so krošnjarji, klobočarji, suknarji in sirarji, se danes ne uporabljajo več, pojavljajo pa se žargoni, ki zadoščajo potrebam novih poklicev, kot je na primer žargon računalniških strokovnjakov. V času, ko postaja vloga računalnikov vse pomembnejša in ko računalnik posega na vse več področij človekovega delovanja, je računalniški žargon pritegnil pozornost celotne družbe.

4.2 V zadnjem času so se aktivirali razni socialni žargoni, kot so žargoni in argoji brezdomcev, beračev, prostitutk, narkomanov, sleparjev, preprodajalcev in hipijev. Praviloma omenjeni številni žargoni ne delujejo neodvisno in se med seboj povezujejo. Tako lahko opazimo, da se besedišče in besedne zveze v žargonu narkomanov, prostitutk in beračev v precejšnji meri pokrivajo, da imata hipijevski sleng in študentski žargon veliko skupnega in da preprodajalci pogosto uporabljajo trgovski argo. Ozadje nastale spremenljivosti v žargonih gre iskati v zaporniškem žargonu, ki je razširil svojo domeno in ga, v spremenjeni obliki, uporabljajo vse omenjene družbene skupine. Te zaporniški žargon obogatijo z novimi izrazi, tradicionalnim jezikovnim sredstvom pa spremenijo pomen.

ON SOCIALLY CONDITIONED PROCESSES IN THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE END OF THE 20TH CENTURY

SUMMARY

1 Socially conditioned processes in the standard language are based on some societal changes, such as getting access to public life by groups of people who habitually and preferably use various jargons and other forms of non-standard speech; abandoning canons and norms imposed by the totalitarian state on social life; declaring freedom in the social, political and economic spheres, as well as in personal relationships. This has resulted in reconsidering some linguistic facts and processes.

One should note in particular the intensive jargonization of standard speech and the intensification of the processes of lexical borrowing and modelling words after foreign patterns.

2 Socially conditioned processes in regional dialects.

Permanent narrowing of the realm of dialect functioning and the erosion of dialects under the influence of the standard language as well as the emergence of intermediate forms (an interdialect, a regiolect) combining the features of regional dialects, urban substandard speech and the standard language are characteristic of these processes. From the sociolinguistic perspective, a relevant feature of the present-day functioning of regional dialects is the specificity of the linguistic mentality of their speakers: instead of considering their dialect the only and natural means of communication, most country dwellers have a distinct orientation towards the standard language, which they appreciate as a more prestigious communicative system, whereas they treat their own dialect as a socially and functionally deficient subsystem. This self-humiliation was to a great extent caused by Soviet schools, where Russian language teaching was orientated (and still is) exclusively towards the standard language, whereas dialect speech was looked down on as uneducated, and the cultural value of dialects, alongside their role in the history of the national language, as well as in enriching the standard language with new means of expression, was completely ignored.

3 Socially conditioned processes in urban substandard speech.

Substandard speech (Russ. *prostorechie*) is a unique subsystem of the Russian national language. At present, substandard speech exists in two varieties, namely the old one (*prostorechie 1*) and the new one (*prostorechie 2*). The first one is more closely related to regional dialects and enriched by them, whereas the second one has close ties with social and professional jargons. Consequently, two groups of modern substandard speech speakers can be distinguished, namely senior citizens who are either uneducated or attended primary school only and whose speech is apparently related to regional dialects, and middle-aged and young citizens who did not finish secondary school and do not have a command of the norms of the standard language; their speech is devoid of dialect features and is to a great extent jargonized. The age differentiation of the speakers of substandard Russian is supplemented by gender differentiation: speakers of *prostorechie 1* are mainly elderly women, whereas among *prostorechie 2* users a significant percentage (if not the majority) are men.

The article pays attention to the phonetic, morphological, syntactic and lexical features characteristic of the present state of both varieties of the substandard system of the Russian language.

4 Socially conditioned processes in professional and social jargons.

4.1 It is characteristic of the present situation that professional jargons serving the purposes of artisans, such as peddlers, hatters, fullers and cheese-makers, are completely forced out of communication, whereas jargons satisfying the needs of new professions, such as the jargon of computer specialists, are actively used. Since the role of computers and computerization of various aspects of human activity has been constantly growing, computer jargon has become socially active; so to say, it has become the focus of social attention.

4.2 Various social jargons are becoming active, for instance the jargons and argot used by homeless people, beggars, prostitutes, drug addicts, swindlers (*kidaly*), retailers (*chelnoki*), hippies, etc.

As a rule, these numerous jargons are not independent and merge into one another. Thus, the jargons of drug addicts, prostitutes and beggars overlap considerably in lexicon and phraseology, hippie slang has much in common with student jargon, whereas *chelnoki* frequently use commercial argot. The background of this variability is prison jargon. In the present situation, prison jargon has found a new domain of existence for itself and is modified in the social groups listed above: it is enriched with new words and changes the meaning of traditionally used linguistic means.